

**ГРЕЧЕСКИЕ НЕФТЕПЕРЕФАБАТЫВАЮЩИЕ
ЗАВОДЫ “СТРЭН” и СТРАТИС АНДРЕАДИС
(STRAN GREEK REFINERIES AND STRATIS
ANDREADIS) против ГРЕЦИИ**

Судебное решение от 9 декабря 1994 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

В соответствии с контрактом, заключенным 22 июля 1972 г. между греческим государством и г-ном Андреадисом, последний взял на себя обязательство построить и через компанию, которая будет создана впоследствии, управлять нефтеперерабатывающим заводом в Мегаре. Государство обязалось приобрести землю для строительства завода и ратифицировало контракт декретом, опубликованным в “Официальной газете”; тем не менее государство не выполнило своего обязательства.

14 октября 1977 г. Правительство прекратило действие контракта в соответствии с Законом № 141/1975 о прекращении действия преференциальных контрактов, заключенных во время пребывания у власти военного режима. Компания “Стрэн” подала иск в Суд большой инстанции г. Афин с требованием оплатить понесенные затраты. Государство оспорило компетенцию суда и дело перешло в арбитраж, разбирательство в котором было завершено 27 февраля 1984 г. решением в пользу заявителей. В арбитражном решении говорилось, что претензии компании “Стрэн” в определенной сумме являются вполне обоснованными.

2 мая 1985 г. государство оспорило это решение в Суде большой инстанции г. Афин на основании того, что арбитражная оговорка в контракте была аннулирована, и что, следовательно, арбитражное решение не имело юридической силы. Суд большой инстанции и впоследствии, 4 ноября 1986 г., Апелляционный суд г. Афин вынесли решение против государства.

25 мая 1987 г., когда дело ожидало рассмотрения в Кассационном суде, и после того, как судья-докладчик уже направил сторонам свое заключение, которое также было в пользу истцов, Парламент принял Закон № 1701/1987 г., который предусматривал, что все оговорки, включая арбитражные, в преференциальных контрактах, заключенных во время военного режима, отменяются и арбитражные решения теряют силу; законом также предусматривалось, что все претензии, возникающие в результате прекращения действия этих контрактов, подпадают под действие истечения срока давности.

16 марта 1989 г. Кассационный суд в полном составе признал Закон № 1701/1987 конституционным. Решением от 11 апреля 1990 г. первое отделение Кассационного суда аннулировало решение Апелляционного суда от 4 ноября 1986 г.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 20 ноября 1987 г., заявитель утверждал, что нарушены статья 6 п. 1 и статья 1 Протокола № 1. Жалоба была признана приемлемой 4 июля 1991 г.

В своем докладе от 12 мая 1993 г. Комиссия установила обстоятельства дела и выразила следующее мнение:

(а) что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции в отношении права на справедливое разбирательство (единогласно), но не в том, что касается срока разбирательства (двенадцатью голосами против двух);

(b) что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 (единогласно). Комиссия передала дело в Суд 12 июля 1993 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Предварительные возражения Правительства

31. Правительство утверждало, что если бы Суд большой инстанции не отказался от просьбы заявителей от рассмотрения иска, поданного 19 декабря 1986 г. (см. п. 7 выше), то в этом суде продолжалось рассмотрение этого иска, поданного 10 ноября 198 г. и была возможность признания статьи 12 § 3 Закона № 1701/1987 несовместимой с Конституцией и Конвенцией, поскольку вопрос о конституционности этой статьи еще не был тогда решен пленумом Кассационного суда. Если бы Суд большой инстанции занялся этим вопросом, то позиция истцов могла бы юридически основываться на статьях 4, 5, 20 § 2, 28 и 93 § 4 Конституции.

32. Суд заявляет, что он принимает во внимание предварительные возражения, лишь если государство выдвинуло их по существу и с достаточной ясностью в Комиссии, как правило, на стадии первоначального рассмотрения вопроса о приемлемости.

33. В Комиссии Правительство утверждало в основном, что заявители должны были начать в 1977 г. административный процесс против решения министерского комитета экономики от 14 октября 1977 г., прекратившего действие спорного контракта. Комиссия отклонила это возражение на тех основаниях, что Правительство не представило доказательств, что это могло бы каким-либо образом помочь заявителям после вступления в силу Закона № 1701/1987 в его применении к заявителям и после длительных разбирательств во внутренних судах.

34. В своем меморандуме в Суд Правительство сослалось на следующий аргумент из своих дополнительных замечаний от 6 мая 1991 г. относительно приемлемости жалобы: заявители «предпочли подать свои иски в соответ-

ствии с процедурой... которая не предусмотрена в правовой системе Греции — в арбитраж, — это помешало исчерпать законные правовые средства в делах такого рода” и жалоба поэтому неприемлема

35. По мнению Суда, такое утверждение не может подтвердить обоснованность возражения, сделанного Правительством на данном этапе рассмотрения дела. Когда государство полагается на правило исчерпания, оно должно достаточно ясно указать на те эффективные средства защиты, к которым заявители не обратились; органы Конвенции не могут по собственной инициативе устранять какие-либо недостатки или отсутствие точности в аргументах государства-ответчика (см. среди многих других прецедентов решение по делу Баребера, Мессега и Ябардо от 6 декабря 1988 г. Серия А, т. 146, с. 27, п. 56).

Кроме того, Суд отмечает, что именно Правительство первоначально оспаривало юрисдикцию обычных судов и выбрало арбитраж как средство решения спора (см. п. 10 и 12 выше).

36. Поэтому государство потеряло право выдвижения предварительного возражения.

II. О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1 Конвенции

37. Заявители утверждают, что имело место два нарушения статьи 6 п. 1 Конвенции, которая предусматривает следующее:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на справедливое... разбирательство дела в разумный срок... (а) судом...”

Во-первых, статья 12 Закона № 1701/1987, примененная в их деле Кассационным судом, лишила их, как они утверждали, права на справедливое судебное разбирательство. Во-вторых, длительность разбирательства призванного подтвердить действительность арбитражного решения от 27 февраля 1984 г. превысила “разумный срок”.

A. Применимость статьи 6 п. 1

38. На слушании Правительство отрицало, что статья 6 применима в настоящем деле. По мнению Правительства, предметом “спорного вопроса” во внутренних судах был вопрос о действительности арбитражной оговорки, следовательно, и самого арбитражного решения. Это не был вопрос “гражданского права” в смысле статьи 6. Рассматриваемая оговорка являлась привилегией, предоставленной в особом законодательном контексте, и касалась исключительно договорных отношений между военным режимом и заявителями.

Для того чтобы такие отношения имели правовые последствия, они должны были быть ратифицированы специальным *ad hoc* законом, каковым стал декрет — Закон № 1211/1972 (см. п. 7 выше). Кроме того, все законодательство об иностранных инвестициях в Греции (см. п. 7 выше) преследовало цели публичного интереса, а именно — экономическое развитие страны.

39. Согласно практике Суда, понятие “гражданские права и обязанности” не должно пониматься исключительно в контексте внутреннего права государства-ответчика. Статья 6 п. 1 применяется независимо от статуса сторон, характера законодательства, которым определяется решение споров и характера государственного органа, компетентного в данном вопросе;

достаточно, чтобы результат судебного разбирательства был решающим для частных прав и обязанностей (см. среди многих других решение по делу Алана Якобсона от 25 октября 1989 г. Серия А, т. 163, с. 20, п. 72).

40. Суд отмечает, что после прекращения контракта, заключенного между заявителями и греческим государством, они предъявили к последнему иск в Суд большой инстанции г. Афин о возмещении затрат, которые они понесли по исполнению контракта (см. п. 10 выше). Их претензия, являющаяся по существу требованием о возмещении убытков, была основана главным образом, на утверждении, что государство нарушило свои обязательства по контракту еще до его прекращения. При арбитражном разбирательстве их претензия имела аналогичные основания. Арбитражный суд частично (см. п. 13 выше) удовлетворил претензию заявителей, приняв решение, которое было окончательным, безотзывным и обязательным для исполнения как в соответствии с условиями контракта (статья 27 п. 9 — см. п. 10 выше), так и в силу законодательства Греции (статья 904 Гражданского процессуального кодекса — см. п. 25 выше).

Суд отмечает, что право, признанное за заявителями Арбитражным судом, было “имущественным” по характеру так же, как и их требование о возмещении убытков. Поэтому их право получить суммы, присужденные Арбитражным судом, было в соответствии с внутренним законодательством “гражданским правом” в смысле статьи 6, независимо от вида контракта между заявителями и греческим государством (см. решение по делу издательства “Перископ” от 26 марта 1992 г. Серия А, т. 234-В, с. 66, п. 40). Из этого следует, что результат судебных разбирательств, которые государство возбудило в обычных судах с целью добиться отмены арбитражного решения, относился к “гражданскому праву” и был решающим для определения гражданских прав.

41. Таким образом, статья 6 п. 1 является применимой.

В. Соблюдение статьи 6 п. 1

1. Справедливое судебное разбирательство

42. Заявители утверждали, что они были лишены права на справедливое судебное разбирательство и даже на право доступа к суду. В частности, они ссылались на решение по делу Голдера от 21 февраля 1975 г. (Серия А, т. 18).

Применение к заявителям статьи 12 Закона № 1701/1987 фактически лишило суды как компетенции подтвердить действительность арбитражного решения, так и возможность дальнейшего судебного разбирательства. Такое вмешательство, как говорится в решении по делу Голдера, “неотделимо от риска произвольных решений” и несовместимо с общими принципами международного права и с понятием верховенства права, присущим Конвенции. С помощью законодательной меры государство решило дело, в котором оно являлось одной из сторон. “Законодательные фокусы” обернулись в судебных разбирательствах по данному вопросу явным неравенством власти и права.

43. Правительство оспорило такую точку зрения. Парламент, являющийся носителем законодательной власти, имел полное право аутентичного толкования принятых им законов, если они оказались неясными. Кроме того, его соответствующие полномочия прямо оговорены в статье 77 Кон-

ституции. Очевидно, что такое толкование распространялось на все рассматриваемые дела, потому что оно не вводило новых правил и не вносило поправки в соответствующие статьи, а всего лишь разъясняло их подлинный смысл.

Такое вмешательство законодателя в полномочия судебной власти не могло рассматриваться как незаконное, и прежде всего потому, что эта власть имеет в своем распоряжении необходимые средства, чтобы избежать произвола. Именно таков греческий правопорядок. Статья 93 Конституции запретила судам применять законы, содержание которых противоречит ей. В настоящем деле, когда статья 12 Закона № 1701/1987 вступила в силу, спор относительно юридической действительности арбитражного решения все еще рассматривался в Кассационном суде. Поэтому этот суд мог установить, имели ли условия, оправдывающие аутентичное толкование законодателем Закона № 141/1975 и нарушало ли такое толкование принцип разделения власти.

44. Суд придерживается мнения, что слушания, последовавшие за вступлением в силу Закона 1701/1987, когда дело поступило в Кассационный суд, имели решающее значение. Однако для того чтобы определить, было ли разбирательство в этом суде справедливым, необходимо принять во внимание более ранние судебные разбирательства и чего добивались в них стороны.

В иске заявителей в Суд большой инстанции г. Афин 10 ноября 1978 г. (см. п.10 выше) речь шла о возмещении убытков, поскольку государство уже нарушило свои обязательства по настоящему контракту до прекращения его действия. Дело было передано в Арбитражный суд по инициативе государства, которое утверждало, что арбитражная оговорка все еще имела силу, и которое на этом основании оспорило компетенцию гражданских судов (см. п. 10 выше).

Заявители, хотя и в субсидиарном порядке, согласились на передачу спора в Арбитражный суд, и, когда их претензия была частично удовлетворена, стало очевидно, что они намерены подчиниться его решению. Однако затем государство изменило свой подход и передало дело в обычный гражданский суд, где оспорило юридическую обоснованность арбитражной оговорки и, следовательно, обоснованность арбитражного решения (см. п. 15 и 18 выше).

Принятие Парламентом Закона № 1701/1987, бесспорно, представляет поворотный пункт в судебных разбирательствах, которые до этого складывались не в пользу государства.

45. Правительство утверждало, что принятие этого Закона было необходимо из-за различия взглядов известных авторитетов в области права, противоречивых судебных решений, особых мнений судей, а также из-за изменения позиции сторон в отношении арбитражной оговорки. Усиливавшаяся дискуссия и соображения публичного порядка потребовали разъяснить намерения законодателя путем аутентичного толкования Закона № 141/1975 даже двенадцать лет спустя. Демократический законодатель был обязан устранить из жизни общества последствия мер, принятых военным режимом. В свое время обнародование проекта этого Закона привело к крупнейшей антиправительственной демонстрации, направленной против диктатуры военного режима.

46. Суд не сомневается в намерении Правительства сделать все, чтобы развеять опасения народа Греции и восстановить демократическую законность.

Однако, после вступления Греции в Совет Европы 28 ноября 1974 г. и ратификации Конвенции, страна приняла на себя обязательства уважать принцип верховенства права. Этот принцип, который гарантируется статьей 3 Устава Совета Европы, находит, в частности, выражение в статье 6 Конвенции, которая обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство и где подробно изложены необходимые гарантии, присущие этому понятию, применительно к уголовным делам. В отношении споров о гражданских правах и обязанностях Суд сформулировал в своей практике требование состязательности и равенства сторон. В судебных процессах, где сталкиваются противоположные частные интересы, это равенство предполагает, что каждая сторона должна иметь разумную возможность представить свое дело в условиях, в которых ни одна из сторон не имеет явного преимущества (см. решение по делу Домбо Бехера от 27 октября 1993 г. Серия А, т. 274, с. 19, п. 33).

47. В этой связи Суд обращает внимание на то, когда и каким образом была принята статья 12 Закона № 1701/1987. Незадолго до слушания дела в Кассационном суде, которое было первоначально назначено на 4 мая 1987 г., и после того как стороны получили мнение судьи-докладчика с рекомендацией отклонить жалобу, государство стремилось перенести дату слушания на том основании, что проект закона, касающийся этого дела, все еще рассматривается Парламентом (см. п. 19 выше).

Закон был принят 22 мая 1987 г. и вступил в силу 25 мая после опубликования в “Официальной газете” (см. п. 20 выше). Слушание состоялось 1 июня (см. п. 19 выше). Хотя в Законе № 1701/1987 основное внимание уделялось пересмотру условий контрактов по разведке и добыче нефти и газа, заключенных во время правления военной диктатуры между государством и компаниями, среди которых “Стрэн” не фигурировала, статья 12 в действительности была направлена против компании-заявителя, хотя последняя и не называлась (см. п. 20 выше). Суд полностью осознает, что в наше время законодателю часто приходится решать аналогичные вопросы в одном и том же законе для того, чтобы срочно принимать неотложные меры.

Тем не менее не вызывает сомнений, что вмешательство законодателя в данное дело произошло в то время, когда шел судебный процесс, в котором государство было одной из сторон.

48. Правительство стремилось свести к минимуму значимость такого вмешательства. По его мнению, заявители могли бы просить об отложении дела, чтобы иметь больше времени для подготовки; § 2 статьи 12 не имел самостоятельного значения и не лишал арбитражное решение юридической силы, поскольку предполагал процедуру признания решения недействительным в соответствии с § 1 той же статьи. Наконец, заявители имели возможность представить свои доводы в Первом отделении Кассационного суда, который рассматривал дело по существу в свете решения пленума суда.

49. Суд не удовлетворен такой мотивировкой. Требование справедливости относится ко всему судебному разбирательству, а не ограничивается слушаниями *inter partes*. Несомненно, что в данном деле видимость правосудия была соблюдена; заявители действительно не жаловались, что были лишены возможностей, необходимых для подготовки к делу.

Принцип верховенства права и понятие справедливого судебного разбирательства, гарантированные в статье 6, препятствуют любому вмешательству со стороны законодательной власти в отправление правосудия, предназначенного воздействовать на него. Редакция § 1 и 2 статьи 12, взятых

вместе сделала фактически невозможным эффективное изучение дела первым отделением Кассационного суда. Поскольку Кассационный суд признал эти пункты конституционными, решение первого отделения этого суда было предрешено.

50. Следовательно, государство нарушило права заявителей, предусмотренные статьей 6 п. 1, осуществив вмешательство, которое стало решающим для того, чтобы предвосхитить благоприятный для государства результат судебного разбирательства, в котором оно было одной из сторон. Поэтому имело место нарушение этой статьи.

2. Продолжительность разбирательств

51. Остается установить, было ли, как утверждают заявители, превышено “разумное время”.

Правительство и Комиссия считают, что оно не было превышено.

(a) Срок, который необходимо принять во внимание

52. Соответствующий период начался 20 ноября 1985 г., когда Греция дала согласие на обращение своих граждан с индивидуальными жалобами в органы Совета Европы. Для того чтобы установить разумность срока, который прошел после этой даты, необходимо учитывать стадию, на которой дело находилось в то время (см. решение по делу Билли от 26 февраля 1993 г. Серия А, т. 257-G, с. 89, п. 16). Из этого следует, что должно учитываться только время судебных разбирательств о действительности арбитражного решения, то есть начиная со 2 мая 1985 г.

53. В своей памятной записке Правительство утверждало, что “срок”, подлежащий рассмотрению, должен охватывать только общий период времени, между каждым слушанием и вынесением решения, — приблизительно два года и два с половиной месяца, потому что из-за специфики спорных вопросов суд, принявший решение, уже не имеет права продолжать разбирательство дела. На слушании представитель заявителей утверждал, что соответствующий период закончился 20 ноября 1985 г., когда заявители обратились с жалобой в Европейскую Комиссию. Часть кассационного разбирательства падает на время после этой даты.

54. Суд разделяет точку зрения Комиссии и заявителей в том, что необходимо учитывать весь рассматриваемый период, который завершился 11 апреля 1990 г., когда было оглашено решение Кассационного суда о недействительности арбитражного решения (см. п. 23 выше). Поэтому общий срок составил четыре года, четыре месяца и двадцать дней.

(b) Разумный срок разбирательства

55. Разумный срок судебного разбирательства должен определяться согласно критериям, установленным в практике Суда, и в свете подлежащих оценке обстоятельств данного дела.

Разбирательства в Суде большой инстанции г. Афин и Апелляционном суде г. Афин продолжались восемнадцать месяцев, приблизительно шесть из которых предшествовали заявлению Греции по статье 25 Конвенции. Эти разбирательства не дают повода для критики. Разбирательства в Кассационном суде продолжались более трех лет — срок, который потребовался,

чтобы учесть положения Закона № 1701/1987, и осуществить передачу дела, в соответствии со статьей 563 § 2 Гражданско-процессуального кодекса, на пленарное заседание Кассационного суда, если одно из его отделений откажется применить Закон как противоречащий Конституции (см. п. 21 выше *in fine*).

56. Отсюда следует, что по данному вопросу не было нарушения статьи 6 п. 1.

III. О предполагаемом нарушении статьи 1 Протокола № 1

57. Заявители также утверждают, что они являются жертвами нарушения статьи 1 Протокола № 1, которая гласит:

“Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля над использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов”.

В представлении заявителей принятие и применение статьи 12 Закона № 1701/1987 лишило их права собственности, в частности, в отношении сумм, присужденных им решением № 13910/79 Суда большой инстанции г. Афин и особенно арбитражным решением от 27 февраля 1984 г. (см. п. 11 и 13 выше).

1. О наличии “имущества” в свете статьи 1

58. Основной акцент в доводах Правительства заключался в том, что никакое “имущество” истцов, подпадающее под действие статьи 1 Протокола № 1, не стало объектом вмешательства в связи с юридическими последствиями принятия Закона № 1701/1987.

По мнению Правительства, ни судебное решение № 13910/79, ни арбитражное решение не были достаточными основаниями для предъявления претензии к государству. Ни судебное решение, которое еще не стало окончательным, ни арбитражное решение еще не устанавливали права, которое могло считаться окончательно признанным.

Что касается арбитражного решения, то юридически недействительная процедура не могла привести к решению, имеющему законную силу. Заявителям было хорошо известно, что арбитражное решение будет сомнительным юридическим основанием для их финансовых претензий до тех пор, пока вопрос о его действительности не будет окончательно разрешен. Решение № 5526/85 Суда большой инстанции г. Афин (см. п. 16 выше) и решение № 9336/86 Апелляционного суда г. Афин (см. п. 18 выше), которые были первоначально вынесены в пользу заявителей, стали предметом обжалования в Кассационном суде и до его окончательного решения не могли служить подтверждением права собственности. Кроме того, сами заявители предпочли начать разбирательство в обычных гражданских судах и энергично оспаривали компетенцию Арбитражного суда.

Наконец, Правительство заявило, что органам Конвенции в Страсбурге не следует оценивать жалобу заявителей, не принимая во внимание всех доводов сторон и их позиции в Арбитражном суде. Государство не согласилось с тем, что имелись основания для жалобы компании “Стрэн” и постоянно оспаривало ее требования по существу сначала в Суде большой инстанции г. Афин, затем и в Арбитражном суде, а затем и в ходе рассмотрения вопроса о действительности решения этого последнего.

59. Для того чтобы определить, имели ли заявители “имущество” по смыслу статьи 1 Протокола № 1, Суд должен установить, признали ли решение № 13910/79 Суда большой инстанции г. Афин и арбитражное решение такие имущественные требования заявителей, которые были достаточно обоснованы и исполнимы.

60. По сути, предварительное решение определяет существо спора, указывая, в какой форме будет проходить разбирательство. Так, Суд большой инстанции г. Афин в принципе признал, что государство является должником заявителей — это было отмечено Комиссией, — но тем не менее он решил заслушать свидетелей (см. п. 11 выше), прежде чем принял решение о существовании и размерах предполагаемого ущерба. Результат такого решения мог позволить заявителям надеяться на конечный положительный результат, что зависело от итогов проверки дела двумя вышестоящими судами.

61. Иначе обстоит дело в отношении арбитражного решения, в котором прямо признается ответственность государства по выплате максимальных сумм в трех различных валютах (см. п. 13 выше).

Суд разделяет мнение Правительства, что в его задачу не входит соглашаться или нет с арбитражным решением. Однако Суд обязан принять во внимание юридическую ситуацию, в которую поставлены стороны таким решением.

Арбитражное решение было окончательным и обязательным; оно не требовало применения каких-либо дополнительных принудительных мер и не подлежало обычному или особому обжалованию (см. п. 10 выше). В соответствии с законодательством Греции арбитражное решение является окончательным и обязательным для исполнения. Основания для его обжалования полностью перечислены в статье 897 Гражданско-процессуального кодекса (см. п. 25 выше); в этом списке нет никаких оговорок для обжалования по существу дела.

62. На момент промульгации Закона № 1701/1987 арбитражное решение от 27 февраля 1984 г. давало заявителям право на получение присужденных сумм, тем более, что обычные суды к тому времени уже дважды — Суд большой инстанции и апелляционный — подтвердили это решение. Таким образом, по мнению Суда, это право составляло “имущество”, подпадающее под действие статьи 1 Протокола № 1.

2. Имело ли место вмешательство

63. Из представления, сделанного заявителями, следовало, что хотя собственность не была передана государству, следствием § 2 и 3 статьи 12 было лишение их имущества *de facto*, поскольку оказалось отменным окончательное и обязательное арбитражное решение в их пользу.

64. Комиссия полагала, что это является нарушением права беспрепятственно пользоваться своим имуществом, предусмотренного в абзаце 1 статьи 1 Протокола № 1.

65. Правительство не согласилось с этим. Оно утверждало, что § 2 статьи 12 говорит лишь о последствиях § 1 и не имеет самостоятельного значения. В этой связи Правительство ссылалось на свои доводы относительно статьи 6 Конвенции (см. п. 48 выше). Правительство также заявило, что § 3 вводил меру, конституционность которой не была проверена внутренними судами, рассматривавшими иск заявителей, и что при необходимости можно было предъявить новый иск, если отказ заявителей от первого иска приводил к его прекращению (см. п. 17 выше). Однако в последнем случае заявители столкнулись бы с проблемой неисчерпания внутренних средств защиты.

66. Суд решил, что имелось вмешательство в право собственности заявителей, как оно гарантируется статьей 1 Протокола № 1. Согласно § 2 статьи 12 Закона № 1701/1987 арбитражное решение становилось недействительным и не имеющим обязательной силы. Параграф 3 предусматривал, что любая претензия к государству на основании контрактов, подобных тому, какой был заключен заявителями, не могут быть предметом обращения в суд. По общему признанию, Кассационный суд оставил открытым вопрос о конституционности § 3, и заявители теоретически имеют возможность, как утверждает Правительство, добиваться решения по иску 1978 г. или подать новый иск. Однако перспективы на успех такого шага кажутся минимальными. Действительно, возникает вопрос, пошел бы суд большой инстанции на то, чтобы считать этот пункт неконституционным, исходя из общих положений Конституции (см. п. 31 *in fine* выше), в свете решения пленума Кассационного суда от 16 марта 1989 г. относительно § 1 и 2 статьи 12 (см. п. 22 выше). Как это решение, так и решение Кассационного суда от 11 апреля 1990 г. (см. п. 23 выше) прекратили раз и навсегда судебные разбирательства, о которых идет речь, что было целью законодателя при принятии статьи 12. Об этом можно судить по § 4, предназначенному положить конец единственному спору такого рода, находившемуся на рассмотрении в судах в то время, а именно спору между заявителями и государством, а также по § 3, предназначенному исключить любой такой иск на будущее.

67. Из этого следует, что заявители не могли добиться выполнения арбитражного решения, в соответствии с которым государство было обязано выплатить указанные суммы в возмещение затрат, понесенных заявителями при исполнении своих договорных обязательств; заявители также не могли предпринять дальнейшие шаги для получения причитающихся им сумм через суды.

Следовательно, имело место вмешательство в право собственности заявителей.

3. Было ли вмешательство оправданным

68. Рассматриваемое вмешательство не было ни конфискацией, ни мерой по контролю над использованием собственности; оно подпадает под действие первого предложения первого абзаца статьи 1.

69. Поэтому Суд должен определить, было ли установлено справедливое равновесие между требованиями защиты интересов общества и требованиями защиты основных прав человека (см. решение по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции* от 23 сентября 1982 г. Серия А, т. 52, с. 26, п. 69).

70. По мнению Правительства, Законы № 141/1975 и 1701/1987 преследовали публичный интерес, который в конкретном контексте имел намного более важное значение, чем только устранение экономических последствий режима диктатуры. Эти законы были частью основных мер, предназначенных утверждать право и волю народа Греции защищать демократию. Основанием для жалобы истцов послужил преференциальный контракт, который наносил ущерб экономике страны и который помог поддержать военный режим и создать впечатление на национальном и международном уровне, что этот режим пользуется поддержкой видных представителей деловых кругов Греции. Время, которое прошло между восстановлением демократии и принятием Закона № 1701/1987, решение государства выбрать арбитраж и меру чисто технического характера, и тот факт, что претензии компании “Стрэн” относились исключительно к возмещению ее расходов — все эти обстоятельства несущественны.

71. Заявители не оспаривали утверждение Правительства о том, что вред, нанесенный жестокой практикой военного режима публичному интересу, несоизмерим с претензиями по сделкам, заключенным с этим режимом. Однако публичный интерес, с которым Суд встретился в рассматриваемом деле, был другим. Несправедливо, если бы любые правовые отношения, заключенные с диктаторским режимом, считались не имеющими силы, после того, как режим прекратил существование, тем более что рассматриваемый контракт на строительство завода по переработке нефти представлял интерес для экономической инфраструктуры страны.

72. Суд не сомневается, что демократическому греческому государству было необходимо прекратить действие контракта, который, как он считал, наносит экономический ущерб. Согласно практике международных и третейских судов, любое государство, несомненно, имеет суверенное право вносить поправки или даже прекращать действие контракта, заключенного с частными лицами, при условии возмещения материальных потерь (арбитражное решение от 24 июля 1930 г. по делу Шуфельд *Recueil de Sentences arbitrales. Societe des Nations. t. II. c. 1095*. Это свидетельствует как о признании того, что интересы государства имеют приоритет по отношению к договорным обязательствам, так и о необходимости сохранять справедливое равновесие в договорных отношениях. Однако одностороннее прекращение контракта не должно прекращать действие некоторых его основных пунктов, таких, например, как арбитражная оговорка. Изменение установленного механизма путем принятия официальной поправки позволило одной из сторон уклониться от такого пути разрешения споров, ради которого и была сделана эта арбитражная оговорка (см. решение Постоянной палаты международного правосудия по делу Лозингера от 11 октября 1935 г. Серия С, т. 78, с. 110, и арбитражные решения по делу компания “Лена Голдфилдз лтд.” *против Советского Правительства. Annual Digest and Reports of Public International Law Cases, т. 5 (1929—1930 гг.), (дело № 258)*).

73. В этой связи Суд отмечает, что правовая система Греции признает принцип автономности арбитражной оговорки (см. п. 18 выше) и что суд большой инстанции Афин (см. п. 16 выше), Апелляционный суд Афин (см. п. 18 выше) и судья-докладчик Кассационного суда (см. п. 19 выше) применили этот принцип в настоящем деле. Кроме того, оба эти суда считают, что претензии заявителей, поданные до прекращения действия контракта, не были в силу этого недействительны.

По завершении арбитражной процедуры, которую государство само выбрало и которая признавалась действительной до дня слушания дела в Кассационном суде, государство было обязано выплатить заявителям присужденные суммы.

74. Приняв на стадии слушания дела в Кассационном суде решение вмешаться, чтобы прекратить с помощью закона действие контракта, объявив недействительной арбитражную оговорку, и отменить арбитражное решение от 27 февраля 1984 г., законодатель нарушил в ущерб заявителям равновесие, которое должно соблюдаться между защитой права собственности и требованиями публичного интереса.

75. Поэтому нарушение статьи 1 Протокола № 1 имело место.

IV. Применение статьи 50 Конвенции

76. Статья 50 Конвенции предусматривает:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

Заявители потребовали возмещения материального ущерба и компенсации судебных расходов и издержек.

A. Материальный ущерб

77. Заявители утверждали, что только выплата полной суммы, присужденной арбитражным решением, могла бы представлять *restitutio in integrum*, требуемое в соответствии со статьей 50. Поэтому они потребовали выплаты в качестве материального ущерба этой суммы (“основной”) плюс проценты по твердой ставке в 6 % , которые, как они утверждали, были включены в арбитражное решение за период от 10 ноября 1978 г. до даты нарушения, что составляет общую сумму 175 869 155,78 драхмы, 24 282 694,28 доллара США и 929 652,81 французского франка. Они также потребовали выплаты процентов по сумме, присужденной в качестве материального ущерба, за период от даты нарушения до даты решения Суда.

В качестве альтернативного решения они потребовали выплаты в качестве материального ущерба основной суммы плюс проценты по твердой ставке в 6 % за период с 10 ноября 1978 г. до даты решения Суда. В день слушания дела в Суде сумма по процентам составляла приблизительно 106 898 000 драхм, 14 790 000 долларов США и 567 000 французских франков.

78. Правительство заявило, что заявители не имеют права на какое-либо возмещение в соответствии со статьей 50, потому что они могут получить возмещение ущерба, используя имеющиеся внутренние средства защиты. Даже если предположить, что применение статьи 12 Закона № 1701/1987 нарушило право заявителей на справедливое судебное разбирательство, оно никоим образом не оказало воздействия на их финансовые

требования. Отмена арбитражного решения не мешала им продолжать разбирательства по иску 1978 года или предъявить новый иск.

В любом случае арбитражное решение не могло быть достаточным основанием для определения размера требуемого возмещения, потому что оно было неправильно по существу. Начатое государством судебное разбирательство по отмене арбитражного решения явно свидетельствовало об этом.

С другой стороны, если Суд решит, что была нарушена статья 1 Протокола № 1, то этот вывод как таковой сам по себе явится достаточно справедливым возмещением; и ни при каких обстоятельствах такое возмещение не должно превышать один миллион драхм за моральный вред.

В заключение Правительство оспорило претензии заявителей в отношении выплаты процентов. Основывая свои выводы на греческом законодательстве и судебной практике, оно утверждало, что основанием для выплаты процентов не могли служить ни решение суда № 13910/1987, ни арбитражное решение, потому что они были декларативными по характеру. Более конкретно, ссылка на выплату процентов по ставке в 6% появилась только на основании арбитражного решения (см. п. 13 выше) и была всего лишь *obiter dictum* полностью ошибочного характера. Арбитражный суд не включил эту ссылку в постановляющую часть своего решения, поскольку имел на это серьезные основания. Подобная претензия никогда не предъявлялась в Арбитражный суд, и, так как дело было передано в арбитраж государством, третейские суды не могли отдать распоряжение о выплате процентов.

79. Представитель Комиссии подчеркнул, что, в соответствии со статьей 50 требуется справедливое возмещение, а не обязательно полное. Он также обратил внимание на тот факт, что суммы, указанные в арбитражном решении, не рассматривались внутренними судами, и предложил Суду подвергнуть требуемые суммы тщательному изучению.

80. Суд заявил, что он предоставляет “справедливое возмещение”, только “если в этом есть необходимость”, и он не связан в этом отношении внутренними нормами (см. решение по делу “Санди таймс” против Соединенного Королевства от 6 ноября 1980 г. Серия А, т. 38, с. 9, п. 15).

81. Суд отмечает, что в постановляющей части арбитражного решения претензии компании “Стрэн” к государству были объявлены необоснованными в той мере, в какой они превысили сумму в 116 273 442 драхмы, 16 054 165 долларов США и 614 627 французских франков. Принимая во внимание свой вывод в п. 75, Суд решил, что заявители имеют право на возмещение этих сумм.

82. Что касается выплаты суммы по процентам, то Суд считает, что Арбитражный суд не рассматривал ее в качестве необходимого элемента по урегулированию спора (см. п. 13 выше); поэтому она не была включена в право на возмещение, признанное в постановляющей части решения.

Вместе с тем возмещение стало бы менее адекватным, если бы сумма по процентам подлежала выплате без учета различных обстоятельств, которые могли бы уменьшить ее величину, таких, например, как то, что прошло десять лет с тех пор, как было принято арбитражное решение.

83. Поэтому претензию заявителей следует удовлетворить частично и им должны быть присуждены простые проценты по ставке в 6% по выше-

указанным суммам (см. п. 81 выше) за период с 27 февраля 1984 г. до даты решения Суда.

В. Судебные расходы и издержки

84. Заявители не потребовали возмещения затрат на судебные разбирательства в Кассационном суде после вступления в силу Закона № 1701/1987.

С другой стороны, они требовали возмещения издержек и расходов, понесенных в органах Конвенции, в размере 171 041 фунта стерлингов плюс проценты по этой сумме за период между датой решения Суда и фактической оплатой.

Через неделю после слушания дела, 19 апреля 1994 г., адвокаты заявителей представили Суду претензию еще на 34 709,05 фунта стерлингов в отношении дополнительных затрат, понесенных за период между датой подачи памятной записки и датой слушания дела.

85. Правительство подвергло сомнению, были ли требуемые затраты действительно понесены и являются ли они обоснованными.

Оно заявило, что готово заплатить 2 800 000 драхм.

86. Представитель Комиссии не выразил мнения по этому вопросу.

87. Суд отмечает, что согласно статье 50 Регламента Суда А претензии должны подаваться по крайней мере за один месяц до намеченного дня разбирательства. Суд строго применяет это правило (см. решение по делу Вендиттелли от 18 июля 1994 г. Серия А, т. 293-А, с. 13, п. 42—43).

В настоящем деле Суд не находит ни в памятной записке заявителей, ни в протоколе слушания никаких дополнительных претензий или даже намерения представить их после слушания. Поэтому такая претензия отклоняется как заявленная с опозданием.

Сделав оценку на справедливой основе и учитывая критерии, которые он применяет в этой области, Суд считает уместным уменьшить сумму, требуемую заявителями. Он присуждает им 125 000 фунтов стерлингов без выплаты процентов по этой сумме.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклонил* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановил*, что статья 6 п. 1 Конвенции применима в настоящем деле;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции в том, что касается права на справедливое судебное разбирательство;
4. *Постановил*, что не было нарушения статьи 6 п. 1 Конвенции в том, что касается продолжительности разбирательств;
5. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1;
6. *Постановил*, что государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев:
 - (а) за материальный ущерб: 116 273 442 (сто шестнадцать миллионов двести семьдесят три тысячи четыреста сорок две) драхмы, 16 054 165 (ше-

стнадцать миллионов пятьдесят четыре тысячи сто шестьдесят пять) долларов США и 614 627 (шестьсот четырнадцать тысяч шестьсот двадцать семь) французских франков плюс простые проценты по ставке в 6% за период с 27 февраля 1984 г. до даты судебного решения (см. п. 83 решения);

(b) за расходы и издержки, понесенные в Страсбурге: 125 000 (сто двадцать пять тысяч) фунтов стерлингов;

7. *Отклонил* оставшуюся часть требования о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 9 декабря 1994 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель